

Уссурийское казачье войско было создано в 1889 году для охраны границы к югу от Хабаровска, включая реку Усури, озеро Ханка, сухопутье до моря. Граница с Китаем тогда была фактически открытой.

Старшинство, или начало службы, не только Уссурийского, но и образованного в 1858 году Амурского казачьего войска установлено с двадцатого августа 1655 года, который считается днем начала службы Забайкальского казачьего войска. Таким образом закреплена неразрывная связь забайкальцев, амурцев, уссурийцев, которые не только открывали и осваивали земли на востоке Российской империи, но и защищали от внешних угроз.

В Гражданскую войну казаки-уссурийцы сражались и на стороне белых, и на стороне красных. Часть уссурийцев, не забыв детей и жен, с белыми отрядами отступила в Китай. Оставшиеся, независимо от того, на чьей стороне они воевали в Гражданскую войну, попали под маховик репрессий.

Началом процесса консолидации казаков-уссурийцев на новом историческом этапе считается учредительный круг во Владивостоке в июне 1990 года. Организации казаков-уссурийцев, возникшие в Приморском и Хабаровском краях, объединились спустя два года. Сегодня Уссурийское войсковое казачье общество насчитывает более пяти тысяч казаков. В его составе казачьи формирования регионов, составляющих Дальневосточный федеральный округ.

Как живет новоявленным станичникам и хуторянам, что любо им, а что не очень?

АТАМАН И ЕГО СЫНОВЬЯ

От трассы М-60, соединяющей Хабаровский и Приморский края, поворот направо у реки Бикин. Дорожное ответвление ведет к ППК — посту пограничного контроля. Что это на удалении, где заметны очертания строений? «Это китайский город Жаохэ», — поясняет сержант, подсказывая проезд к дому Владимира Шаханова — атамана казачьего общества «Хутор Покровский».

Исполнилось сто пятьдесят пять лет, как забайкальские казаки в праздник Покрова Божьей Матери основали на берегу Усури станицу, назвав ее Покровской. Признаюсь, это стало поводом для поездки в Покровку и встречи с Шахановым, у которого нынче тоже памятные даты. Недавно ему исполнилось шестьдесят лет и не за горами двадцатипятилетие его пребывания хуторским атаманом.

В Бикинском краеведческом музее мне подсказали: Покровку основали девять казачьих семей. Правда, сохранилась лишь одна фамилия — Волобуевы. Братья Иван и Карп Волобуевы, как и другие первопоселенцы, жили тем, что выращивали зерновые, поставляли дровяное топливо на пароходы, ходившие по Усури, занимались рыболовством. А какая рыба тогда обитала! Осетр, кета. Не случайно в 1915 году, когда в станице Покровской было уже сто семьдесят три жителя и двадцать один двор, бондарный промысел существенно потеснил сельхозпроизводство.

Примечательный случай рассказал атаман. Происходило это в начале семидесятых годов, когда он отправился на рыбалку с дедом Секисовым. Тому было уже за восемьдесят, но выглядел он молодцом.

— Деда Секиса казака! Здорово! — приветствовали его с китайской лодки.

— Дед, ты что, казак? — спросил его Володька, наслышанный о том, что Покровку основали казаки.

— Не афишируй! — отреагировал на вопрос Секисов, и для Шаханова, тогда школьника, стало ясно, что казачье происхождение дед не намерен приоткрывать.

Так было по всему СССР, от Дона до Усури. Даже упоминание о принадлежности к казачеству гарантировало неприятности. Под занавес советской власти казачество заявило о себе как пробившийся сквозь асфальт росток. В окрестностях Бикина, который в дореволюционную пору был центром станичного округа, казачьи общества появились в Покровке, Васильевке, Лончаково, естественно, в самом Бикине. Во главе казачьего ренессанса на юге Хабаровского края стоял Анатолий Бояркин, ныне председатель Совета стариков Усурийского войскового казачьего общества. Это он в феврале 1993 года приезжал в Покровку, убеждая ее мужскую часть создать хуторское общество.

Шаханов, избранный тогда атаманом, не считает себя родовым казаком. Успешное начало деятельности хуторского общества атаман связывает с командиром здешнего погранотряда полковником Анатолием Исаковым. Благодаря его стараниям на заставе в Покровке было сформировано кавалерийское отделение из казаков-контрактников.

— Когда второго сентября 1994 года мы вышли в наряд, скажу честно, я прослезился. Впервые за три четверти века на охрану границы заступили казаки. А ведь этим делом казаки занимались веками, — высказывается хуторской атаман, тогда назначенный командиром отделения, получивший звание сержанта.

Восемь казаков, составивших отделение, старались не ударить в грязь лицом. Ходили в дозоры, дежурили на ППК, ловили китайских браконьеров. Были периоды, когда выполняли обязанности срочников-пофигистов, которыми в девяностые годы были наводнены не только погранвойска.

— Вам можно доверять! — сказал штабист из Хабаровска, посетив Покровку для разговора с казачьим отделением.

Но в целом встреча с ним оставила гнетущее впечатление. Говорилось не о расширении казачьей составляющей, которая в общей численности казачьей части не превышала пятой части, а о том, что в погранслужбе нет казаков, а есть солдаты. Звучали обидные высказывания о казаках вообще.

— Зачем тогда нас призывали? — спросил хуторской атаман, когда кончилось терпение.

На заставе Шаханов прослужил два года восемь месяцев. Контрактников на границе становилось больше, но было ясно и другое: командование не рассматривало казаков как резерв для пополнения.

— Вы строили таможенню в Покровке, сейчас там работают ваши сыновья. Разве таможенная служба не годится для казака? — спрашиваю атамана.

— Мы там не служим, а обслуживаем здание таможи, — формулирует он. — Служба — это погоны и фуражка с кокардой...

Государство, заявляя о поддержке казачества, деяниями федеральных структур демонстрирует обратное. Погранслужбе казаки не нужны, хотя поначалу декларировалось создание казачьих застав. С прокладкой нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан к его охране привлекли казачьи общества, однако позже они лишились этой работы. Хуторской атаман в последние годы трудится в лесничестве. Ставил вопрос о привлечении членов казачьего общества на работы, не требующие квалификации. Ответ начальника Хабаровского краевого управления лесами был однозначный: не нуждаемся.

— Если нет объединяющего дела, казачье общество обречено на распад, — говорит атаман.

— Это не прибавляет авторитета власти в казачьем сообществе, — добавляет Владимир Шаханов, сын атамана.

Десять лет он прожил в краевом центре, но вернулся в Покровку с городской женой. На мой вопрос, чем не устроил Хабаровск, отвечает словами известной песни: «...Снится мне деревня. Отпустить меня не хочет родина моя».

Владимир устроился слесарем на таможду, как младший брат Валентин. А старший брат Алексей — глава крестьянско-фермерского хозяйства. Разводит крупный рогатый скот. Все трое — члены хуторского казачьего общества. Вступали в него осознанно, хотя сам Шаханов не скрывает сокращения численного состава хуторского общества. Он вспоминает слова бикинского священника отца Петра, окормлявшего казаков: «Вы думаете, что вам кто-то корочку хлеба даст? Никто с вами делиться не будет. Вы уж не надейтесь...»

— Со мной работал лесничим Валерий Сидохин. У него казачьи корни, человек во всех отношениях достойный, но записываться в хуторское казачье общество отказался, — с сожалением замечает Шаханов. — И не надо считать казаков крохоборами! Должен же быть какой-то знак, какое-то подтверждение, что государство поддерживает казачество!

Два с лишним десятка лет на общественных началах Владимир Александрович тянет лямку хуторского атамана. Государственная политика в отношении казачества поубавила оптимизма. Впрочем, атаман склонен укорять себя: что-то не учел, где-то ошибся.

Винить ему себя по большому счету не за что. Служит честно, совмещая обязанности атамана с работой, делами по дому и хозяйству. А главное — вырастил троих сыновей. Трудолюбивых, болеющих за общественное благо, преданных малой родине.

ФАМИЛИИ У ЧАСОВНИ

Анатолий Васильевич Бояркин, председатель Совета стариков Уссурийского войскового казачьего общества, в предпоследний день октября неизменно отправляется к часовне на хабаровском кладбище, рядом с которой установлены пилоны с фамилиями погибших в годы сталинщины. В тридцатые годы на этом месте были рвы, куда сбрасывали тела расстрелянных во внутренней тюрьме краевого управления НКВД.

Комок подступает к горлу, когда видит родные фамилии с инициалами. Бояркин Ф. И. — это его дед Фадей Иович, расстрелянный весной 1930 года в Хабаровске. Бояркин А. Ф. — это его дядька Апполос Фадеевич, расстрелянный осенью 1938 года в Николаевске-на-Амуре на следующий день после вынесения приговора приснопамятной тройкой.

Фадей Иович и Апполос Фадеевич реабилитированы в первую, хрущевскую, волну реабилитации. Артемий Фадеевич, другой дядька, который отбывал пять лет лагерей, реабилитирован во вторую, горбачевскую, волну реабилитации. Справедливость восторжествовала, но разве это заменит боль на радость?

Свечи в часовне, гвоздики у пилона, сто граммов за помин души. Что еще может человек, никогда не видевший родных, знающий их только по рассказам? Анатолий Васильевич постарался собрать материалы о жизни деда и обоих дядек. Обращался в архив, заказывал копии газетных и книжных публикаций, находил старые фото.

Село Квашнино Михайло-Семеновского станичного округа — место рождения Фадея Иовича и его сыновей (в советское время Михайло-Семеновское переименовано в Ленинское. — Прим. авт.). Отец Иовы Бояркина прибыл на Средний Амур в пору знаменитых сплавов, инициированных в середине XIX века генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым.

В большой семье Фадея Иовича младшим был родившийся в 1912 году Василий, который помнил, как жили казаки.

— У каждого из сыновей была лошадь, — пересказывает воспоминания родителя Анатолий Васильевич. — У отца была лошадь по прозвищу Каура. Он кормил ее и воспитывал. На Каурке отец ездил в школу-трехлетку, которая была в соседнем селе Дежнево.

«В 1926 году после образования Дальневосточного края наиболее развитыми сельскохозяйственными территориями являлись некоторые районы Амурской, Приморской и Читинской областей (Михайло-Семеновское и другие среднеамурские села до образования ЕАО входили в Амурскую область. — Прим. авт.). Крестьянство, осваивавшее эти территории с середины XIX века и имевшее определенные льготы при самодержавии, с первых лет «родной» рабоче-крестьянской власти почувствовало весь гнет этой системы. Непосильные налоги, обложения, принудительные крестьянские займы стали обязательными факторами, сопутствующими началу процесса коллективизации», — говорится в книге-мартирологе «Хотелось бы всех поименно назвать...», страницы которой ксерокопировал Бояркин.

«Такая политика, проводимая против сельского труженика, не могла не вызвать недовольство крестьян, которое проявлялось лишь в разговорах, высказываниях на сельских сходах и собраниях, впоследствии выливалось в убийства членов сельского актива, являющегося проводником этой политики, в уничтожение колхозного общественного имущества».

— Начались восстания, — продолжает Анатолий Васильевич. — Вместо устранения просчетов и перегибов власть предпочла карательные меры.

Его деда арестовали по части 10.13 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР, обвинив «в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий». По той же статье сонм преступлений «припаяли» дядьке Апполосу Фадеевичу, которого задержали в Ульчском районе, где он работал, решив покинуть родительский дом.

— Отцу повезло. Он убежал из Квашнино, не имея паспорта, но ареста избежал, — рассказывает Анатолий Васильевич. — В Хабаровске с такими же, как он сам, беглецами из бывших станиц и хуторов взялся сопровождать санный обоз с продовольствием, который по замерзшему Амуру был направлен в село Пермское, где разворачивалось строительство города. Добрые люди предупредили: всех арестуют после прибытия. Доставив обоз по назначению, отец и его спутники разбежались кто куда...

Обосновался Василий Бояркин в низовьях Амура на прииске. Приученный к труду в казачьей семье, он не ударился в прогулы и пьянство. Выполнил пятилетку в четыре года, за что был удостоен грамоты райкома ВКП(б). Но душа рвалась

ближе к дому, и Василий перебрался в Иванковцы — поселок лесозаготовителей Кур-Урмийского района (ныне левобережье Хабаровского района. — Прим. авт.).

— Отец брал у знакомого нанайца оморочку и спускался по Тунгуске до Николаевки. Там жила его зазноба. В 1936 году они поженились. Через год родился мой старший брат, — улыбается Анатолий Васильевич. — Еще через два года — я.

Но хеппи-энд не складывается. Семью, вместившую три поколения первопоселенцев Среднего Амура, советская власть порушила, как миллионы таких же казачьих семей. Записка арестованного Фадея Иовича, умолявшего сыновей и дочерей отречься от него и тем самым спасти себе жизнь, расколола семью. Двое действительно отреклись, что соответствовало духу того страшного времени. Остальные пятеро — не отреклись, но вряд ли кто из них потом ставил себе это в заслугу.

— Помню дом в Николаевке, праздничный стол, нарядные отец и мать, гостей полная зала, — говорит Анатолий Васильевич. — Мужики выпили, языки развязались: «Да мы — казаки!..» Женщины с испуганными лицами зашикали: «Тише!..»

Уже развенчали культ личности Сталина, но казаки были под запретом. А ведь они, представители казачьих родов, прошедшие лагеря и ссылки, одолевшие врага на западе и востоке, давали план на лесоповале, гнали лес с верхних складов до сплавной конторы в Николаевке!.. Потребовалось еще без малого полвека, чтобы казачество было реабилитировано.

...И ШАШКИ, ЧТОБЫ УЧИТЬСЯ ФЛАНКИРОВКЕ

Атаман казачьего общества «Хутор Лермонтовский» Рудольф Белоглазов — человек откровенный. По крайней мере не стесняется признать, что к родовым казакам отношения не имеет. Как же оказался на казачьей стезе?

Уралец по рождению, Рудольф проходил срочную на юге Хабаровского края. Отслужив два года, домой не поспешил, и на то была причина. Он женился, а избранницей дембеля стала девушка из местных. Причем ее мать была родом из Лончаково, а отец — из Видного. Оба села были основаны в середине позапрошлого века, когда границу охраняли казаки, совмещая службу с сельским трудом. Тесть и теща были потомками казаков, о чем никогда не забывали.

Рудольф работал в угольном розыске, приглядываясь к активистам с желтыми лампасами, которые объявились в начале девяностых годов. Песни под гармошку старшего лейтенанта милиции не прельщали. Из более-менее стоящих инициатив он отметил для себя дежурства на дорогах. Под началом инспекторов ГАИ казаки обеспечивали безопасность дорожного движения.

— Случайно встретил Игоря Шуклина. Мы с ним хорошо знали друг друга, но потом жизнь развела. Шуклин сказал, что избран атаманом станичного общества в Бикине. И со свойственным ему жаром стал излагать мысли о новом для себя деле. Короче говоря, зажег меня, — не скрывает Белоглазов.

Жизнь в Лермонтовке в постсоветскую эпоху не задалась. Совхоз ликвидировали, гарнизон расформировали. Безработица ввергает в расстройство молодых и пожилых. Казачье общество «Хутор Лермонтовский», атаманом которого был избран Рудольф Евгеньевич, стало островком оптимизма. Кто они, составившие его костяк?

Алексей Захаров, врач в звании майора. Бывший контрактник Вячеслав Ярыгин, не пожелавший менять место жительства после увольнения в запас. Всего в хуторское общество записалось около сорока человек. Пожалуй, главным делом стало несение службы на заставе. Казак заступал в паре с пограничником. Было

подписано соглашение с командованием погрануправления. В Лончаково на заставу выезжали три-четыре раза в неделю, за месяц набегало десять-двенадцать полноценных нарядов.

В военно-патриотическом казачьем клубе, который был создан в школе, атаман вел секцию русских единокорств. Занимались в спортзале школы, куда приходили полтора десятка пацанов. Разбирали и собирали автомат Калашникова, стреляли из мелкокалиберной винтовки. Когда энергия казачьего общества стала уступать апатии, а главное — почему?

Три казака две недели тушили пожары. В администрации села предупредили: работа нелегкая, но оплачиваемая. Огонь был страшный, специальной одежды и обуви не выдавали — использовали свои сапоги, свою робу. Белоглазов подпалило брови. Казаки не жалели себя... Получили расчет: пять тысяч рублей на троих. Выругались про себя и разошлись.

Впечатление такое, что в некоторых кабинетах воспринимают казаков как состоятельных людей, которые маются от безделья. Это далеко не так. Большинство едва сводят концы с концами, хотя работают. Но зарплата в дальневосточной глубинке не позволяет жить на широкую ногу. Поэтому не обойтись без огорода, скотины. Да, казак ради общественного блага готов терпеть неудобства. Но когда он видит, что власти предрержащие злоупотребляют его желанием послужить Отечеству, не удержат его в казачьем обществе ни соратники, ни атаман.

Казак едет на собственной машине в Лончаково, что в полутора десятках километров от Лермонтовки, дабы поучаствовать в охране границы. Прихватывает с собой харч или отправляется за ним в сельмаг. Если зима, то все семь часов дежурства двигатель машины не выключается, опустошая карман владельца. И так год, два, три... Если точнее, то десять лет. Во сколько рублей обходится служба на границе казаку-уссурийцу?

Кубанцы, донцы, терцы за охрану границы, общественного порядка, биоресурсов получают на руки от восемнадцати до двадцати пяти тысяч рублей в месяц. Выплаты идут из регионального бюджета.

Что же удерживает хуторское общество на плаву? Конечно же, товарищество, сплотившее, казалось бы, разных людей. Вот Александр Гусаков, преподаватель музыкальной школы, руководитель самодеятельного хора, в репертуаре которого казачьи песни и песни о казаках. Хористы сами шьют сценические костюмы, за свой счет ездят выступать по району. Были в Хабаровске на краевом фестивале «Казачья гора».

Эдуард Новоселов — иконописец. Его работы украшают храмы Хабаровской епархии, хотя он не профессиональный художник. «Божественный человек» — так характеризует Новоселова атаман, который, несмотря на нескладухи казачьего житья-бытья, не опускает руки.

— Секция русских единокорств переместилась в молодежный центр. Его открыли в бывшем совхозном складе, который реконструирован на средства районного бюджета, — уточняет Рудольф Евгеньевич. — Что касается истории казачества, то эту тему ведет потомственный казак Николай Селедугин. Школьники слушают его с интересом. На заставу прислали нового командира. Будем взаимодействовать с ним...

Среди контрактников, несущих службу на заставе в Лончаково, представители хуторского казачьего общества Сергей Сарницкий и Роман Белоглазов, как нетрудно догадаться, сын атамана. Двое воспитанников военно-патриотического казачьего клуба стали офицерами-пограничниками, несут службу вдалеке от родных мест.

Недавно в молодежном центре был торжественно представлен спортивный инвентарь, который приобретен на средства муниципального гранта, выделенного

хуторскому казачьему обществу. Это комплект для отработки ударов на тренировках по русским боевым искусствам, приспособления для защиты головы, груди, других частей тела. Кроме того, были куплены шашки.

— Теперь есть чем осваивать фланкировку*, — не без гордости заметил атаман.

С ЧИСТО КОННОЙ ЧАСТИ

— Откуда появились красные кавалеристы? Эти люди служили царю-батюшке, в Гражданскую воевали за белых, потом примкнули к красным. Такая вот трансформация, — говорит походный атаман Усурийской Первой конной сотни Андрей Макаров. — У меня обратная история. В составе комсомольского конного отряда я ходил под красным знаменем. Последние полтора десятка лет — в казаках...

Мы сидим на ступеньках крыльца его дома в селе Могилевка. Макаров, которому пошел шестой десяток, сухощав, невелик ростом, в футболке и брюках пятнистого форменного цвета. В разговоре откровенен, заметно, что не все из глобальных российских переустройств ему по нраву. Впрочем, усилия центра и периферии Андрей Витальевич оценивает, по его выражению, с чисто конной части.

Своим учителем Макаров считает Леонида Рященко, воевавшего в кавалерии как в Гражданскую войну, так и в Великую Отечественную, возглавлявшего конноспортивную школу Приморского сельскохозяйственного института. Студенты познавали не только навыки верховой езды. Они ухаживали за лошадьми. А с наступлением летних каникул под алым стягом комсомольского конного отряда имени Сергея Лазо отправлялись в поход по местам боевой славы. Были даже под Волочаевкой близ Хабаровска, где проходило решающее сражение Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Поход занимал несколько дней. Ночевать приходилось в палатках, еду готовили на кострах. Романтика!.. Срочную службу Макаров проходил на Камчатке, увольнялся в запас в звании старшины. В Усурийске у бравого дембеля едва не навернулись слезы: Леонид Петрович умер, дело его жизни рушилось на глазах.

Последователь нашелся в Хабаровском крае. Директор Котиковского совхоза Борис Ежеля, который запомнил уссурийских конников, направлявшихся в Волочаевку, решил выкупить у Приморского сельхозинститута лошадей. За ними потянулись коневоды. Среди них был Макаров.

Понятно, что Ежеля состоял в КПСС: иначе его вряд ли бы назначили директором совхоза. Но в Котиково знали и то, что он — родовой казак. Благодаря ему в селе появился ипподром, открылась конноспортивная школа. Из Ростовской области привезли рысаков буденновской породы, которая известна спортивными достижениями.

— На майские и ноябрьские демонстрации в Хабаровске мы выставляли конников с тачанкой. Это впечатляло, но не уберегло Бориса Леонтьевича от снятия с должности. Новому совхозному начальству лошади и коневоды были не нужны, — вспоминает Макаров.

На этот раз спасителем оказался директор Веринского совхоза Георгий Торхов. В село Могилевка, где располагалась центральная усадьба Веринского совхоза, перегнали буденновских скакунов. Туда же отправились коневоды, им пришлось начинать с нуля. Строить ипподром, создавать конноспортивную школу, заниматься племенной работой. С одобрения Торхова могилевские ребята, участвовавшие в состязаниях на ипподроме, надевали брюки с желтыми лампасами, которые от-

* Фланкировка — умение владеть шашкой.

личали амурских и уссурийских казаков дореволюционной России. Сам Георгий Гаврилович на заседаниях представительного органа местной власти появлялся в казачьей форме.

Как опытный хозяйственник и родовой казак, Торхов взялся за возрождение Трехсвятительской станицы, которая была основана в 1860 году и названа в честь Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста — вселенских учителей православной церкви, живших в IV–V веках. В пору социалистических преобразований Трехсвятительская станица была переименована в село Новосоветское, однако оно пришло в запустение.

— И Торхова сняли, как Ежелю. Прямо напасть: как только руководитель начинает заниматься коневодством, вовлекает молодежь, возрождает казачество, его лишают должности. А кто приходит на смену? Мелкие личности, которые действительно разваливают хозяйство! — не скрывает возмущения Макаров, который помнит, как растаскивали не только машинный двор, но и конеферму в триста голов, отправляя на мясо элитных рысаков.

О работе тренера по конному спорту на профсоюзную ставку, когда в Могилевку приезжали подростки со всей округи, Макарову пришлось забыть. Чтобы не расставаться с любимым делом и зарабатывать на хлеб, он взялся за подготовку спортивных лошадей. Когда лошади исполняется полтора года, Андрей Витальевич начинает ее обучать. Спрос на подготовленных лошадей есть. «Мустанг», вероятно, первый в Хабаровском крае конноспортивный клуб, Сергей Кочуровский, его основатель и первый руководитель, создавал на базе могилевской конефермы, где имелись буденновские и донские верховые лошади, без преувеличения, цвет отечественного коневодства.

Казачье движение Макаров воспринял как силу, способную обеспечить стабильное развитие коневодства. Он участвовал в крещении знамен казачьих обществ, в многочисленных сборах и кругах. У него стало копиться раздражение, оттого что заверения и декларации не становились делом, что вне поля зрения оказалась многовековая взаимосвязь казака и лошади. Впрочем, в Уссурийской первой конной сотне Макаров обрел единомышленников. Среди них глава крестьянско-фермерского хозяйства «Серебряная подкова» десятник по казачьему чину Юрий Марченко.

Его хозяйство расположено в бывшем леспромхозовском поселке, что в сорока пяти километрах от Переяславки. Там казаки Уссурийской Первой конной сотни оборудовали ипподром. Установили ограждение, судейские будки. Подготовили поле для конкур — преодоления препятствий. Оборудовали автостоянку, сцену. Причем не потратив ни рубля из бюджета.

В конце мая 2014 года здесь состоялись первые состязания на кубок памяти Георгия Торхова. Они включали в себя заезд для рысистых пород, скачки на тысячу шестьсот и тысячу восемьсот метров, конкур. Появление ипподрома не осталось незамеченным: в сентябре, под занавес сезона, местные и приезжие конники боролись на нем за кубок главы района. Владимир Сорокин, глава района имени Лазо, приезжал, чтобы вручить награды победителям.

За год до семидесятилетия Победы было решено участвовать конным строем в параде в Переяславке. Начались тренировки.

— Я сдал полномочия походному атаману Макарову, выполнял его команды, когда оседлал Кардинала, своего коня. У меня одиночный конь, этим объясняется его норов. В общем, Макаров крепким словом наставлял нас обоих, — с улыбкой признается атаман Уссурийской Первой конной сотни Олег Клочков.

В День Победы лошадушки не подвели. Хотя их обеспокоило скопление людей, шары и флаги, музыка и разговоры по мегафону. Но во время шествия они показали впечатляющую выучку и природную грациозность, вызвав неописуемый восторг.

Конники двигались за коробкой казачьего хутора Могилевский. Впереди шли воспитанники военно-патриотических клубов, Бессмертный полк, военные. Возглавлял конный строй на восхитительном Экссэре походный атаман Макаров.

— Он у меня английских кровей. Поэтому у него такое имя. Первые буквы от отца Экстракта. А что такое сэр, вряд ли нужно объяснять, — говорит Андрей Витальевич, выводя коня на прогулку у дома, где грядки и парники, трактор и навесное оборудование.

Экссэр действительно красавец — высокий, стройный, в каждом шаге изящество. Гордость хозяина объяснима: казаку конь себя дороже.

БОЛЬШОЙ КРУГ

В Хабаровске в знаменном зале музея Восточного военного округа проходил Большой Круг Уссурийского войскового казачьего общества. На Круг съехались сто три делегата, которые представляли казачьи общества регионов, входящих в Дальневосточный федеральный округ.

Войсковой священник иерей Константин (Насин) произнес молитву, благословив Круг на работу и благие решения.

— Кто намерен выступить в прениях, поднимает папаху или фуражку. И представляется, называя чин, фамилию, первичное общество, — напомнил казачий полковник Николай Бянкин, атаман Камчатского округа, избранный есаульцем Круга.

С информацией о деятельности Уссурийского войскового казачьего общества выступил войсковой атаман казачий полковник Владимир Степанов.

— Уважаемые старики, господа атаманы, братья-казаки! Деятельность Уссурийского казачьего общества была направлена на выполнение стратегии государственной политики в отношении казачества, — сказал атаман.

Он информировал, что в Москве в храме Христа Спасителя прошел первый Большой Круг российского казачества, собравший делегатов всех войсковых обществ. На нем была принята концепция Всероссийского казачьего общества. Его создание позволит устранить дисбаланс между казачьими обществами, которые при содействии региональных и муниципальных властей зарабатывают миллионы рублей, будучи привлеченными на возмездной основе к охране правопорядка, другим видам деятельности, и казачьими обществами, где иная ситуация. В их числе Уссурийское войсковое общество, его региональные и первичные организации.

— В отчетах мы пишем, что охраняем общественный порядок, что участвуем здесь и там, но ведь это мизер, если иметь в виду численный состав казачьих обществ. А если говорить о заинтересованности казачества, то она равна нулю, — заявил атаман Амурского казачьего общества казачий полковник Александр Мурашко. — Сейчас в ходу программы и подпрограммы, но какой от них толк, когда они изначально выхолащиваются, не предусматривают реальной поддержки казачества!..

Атаман Средне-Амурского общества окружного общества есаул Константин Селиверстов свою позицию выразил так: когда государственная служба сводится к безвозмездной основе, утрачивается стержень казачества. Казаки Еврейской автономной области, как их братья из других регионов Дальнего Востока, не желают, чтобы их воспринимали как чужаков, которые в свободное от работы время чем-то занимаются. Охрана государственной границы, общественного порядка, водных и биологических ресурсов — это служба, которая требует подготовки и усердия. И она должна оплачиваться.

— Когда появляется что-то возмездное, не без участия чиновников муниципального и регионального уровня это возмездное уходит к коммерческим структурам, — высказал свои наблюдения атаман Хабаровского края войсковой старшина Игорь Колосов, и его откровенность была встречена возгласами: «Любо!»

Насколько противоречивы даже позитивные решения власти, поведал кругу атаман Колымского общества подъесаул Тимофей Кузьмин. Магадан как муниципальное образование выделил средства для охраны общественного порядка на возмездной основе. Если подробней, то час такой службы оценили в сто семьдесят пять рублей. Причем в месяц казаку позволено зарабатывать не более трех тысяч рублей. И это на Крайнем Севере, где три тысячи — один поход в продмаг!.. Безденежье муниципальной власти понятно, но разве за постсоветские десятилетия, когда казачество вернулось из забвения, трудно усвоить, что казак жил именно службой? Да, с огородом, скотиной, рыбалкой, охотой, но прежде всего — службой! И благонамеренные три тысячи «р», отпущенные мэрией, разве это не плевок в душу казака?

О том же говорил атаман Камчатского округа казачий полковник Николай Бянкин, между прочим ветеран казачьего движения, ибо в должности атамана он пребывает более четверти века.

— Мы не хотим оказывать услуги, мы хотим служить! — на эмоциональном подъеме заметил он.

Другая его мысль: государство должно казачеству доверять. Обилие бумаг, которые запрашивают властные структуры у казачьих обществ, не только раздражают, но и вбивают клин между казачеством и государством. Сознают ли это поборники отчетов и платежей?

— Кто мы, казаки, в государстве? — сформулировал вопрос атаман Сахалино-Курильского общества казачий полковник Сергей Рябов. — Пока мы числимся в ряду некоммерческих организаций наряду с садоводами, другими любительскими объединениями граждан.

— Но разве садоводы носят погоны? — заострил проблему атаман. — Мы давно переросли НКО!..

По его мнению, Всероссийское казачье общество должно быть государственно-общественной организацией. Пример — ДОСААФ, где тоже носят погоны.

— При таком подходе можно будет разграничить государственное и общественное. А также совместить казачьи общества и местное самоуправление, — подытожил казачий полковник.

С КАЗАЧЬЕЮ ИСКРОЙ В ГЛАЗАХ

В школе № 6 Хабаровска с приходом каникул открылся городской оздоровительный лагерь, работающий по программе «Казачий переполох». Отдыхают в нем не только будущие второклассники, учившиеся в 1«Б» классе — кадетском классе казачьей направленности. Если говорить о возрасте, то он колеблется от семи до двенадцати лет.

— По этой программе смена городского оздоровительного лагеря работает второй год, — говорит замдиректора школы № 6 Анна Сергеева. — Было знакомство с православным храмом. Проводились мастер-классы по казачьим видам ремесла, экскурсии в музей. Сегодня выезжаем в казачий конноспортивный клуб в селе Чистополье Хабаровского района.

...У села Мирного, что на комсомольской трассе, поворот налево. За окнами автобусов, везущих ребятню и сопровождающих, возделанные поля. Вот

и Чистополье: дома с огородами, сельмаг, клуб на главной улице, что ведет к конноспортивному клубу. Его создатель и руководитель есаул Николай Савченко встречает гостей в зеленой амуниции и фуражке с желтым околышем дальневосточного казачества.

Повезло с погодой: день солнечный, теплый, безветренный. Чувствуется, что воздух здесь, среди полей и перелесков, не такой, как в городе. Девтора удивляется всему: лошадаи, на которых предстоит прокатиться, копыа, приготовленным для метания, кострищу у беседки, где приступают к предобеденным хлопотам.

— В этом году программа «Казачий сполох» расширена. В нее включены метание копыа и стрельба из лука, — уточняет замдиректора школы. — Будем рубить шашками лозу и бутылки из пластика. Привезли с собой пневматическую винтовку: попробуем стрелять по мишеням.

Занятия ведет казак Уссурийской Первой конной сотни Валерий Самашкин. Он показывает мальчишкам и девчонкам две нагайки, сувенирную и боевую.

— Если вы услышите, что казаки погоняют нагайкой лошадь во время движения, не верьте, — говорит он. — Казаки всегда любили лошадей. Это, можно сказать, родное существо.

В руках Самашкина шашка, и вопрос, чем она отличается от сабли и шпаги, не остается без ответа.

— Сабля сильно загнута. Шпага, напротив, прямая, — объясняет он, демонстрируя фланкировку.

Видя, как она перебрасывается и перехватывается, пацан из «Казачьего переполоха» выдает не из школьного лексикона: «Офигеть!..»

— Шашка — оружие ближнего боя. С одного удара шашкой можно обеспечить себе...

— Победу! — кричит другой пацан, перебивая Валерия Геннадьевича.

Удар — и разрезана надвое пластиковая «полторашка», принесенная не для питья, а для демонстрации многовекового оружия. Еще удар — и летит под ноги срубленная лоза.

— Что такое пищаль? — спрашивает Самашкин. — Это первое огнестрельное оружие. До него для поражения противника на дальних дистанциях использовался лук. Будем стрелять из лука?

— Да! — звучит громогласный ответ.

— К мишени становимся боком. Лук держим на вытянутой руке. Убираем мизинец и большой палец. Тремя пальцами оттягиваем тетиву...

Пока одни стреляют из лука, другие метают копыа. В это самое время Николай Савченко помогает каждому из желающих проехать на лошади, взобраться на нее. Лошадь ведут под уздцы воспитанники конноспортивного клуба.

Николай Анатольевич родился и вырос на Кубани. Четыре с лишним десятка лет на Дальнем Востоке, и где бы ни жил, всегда держал лошадь.

— Первым был Ветерок, — вспоминает он. — Я не могу без коня: он успокаивает душу, снимает накопившийся за день негатив. Подошел к нему, погладил — и легче стало. Сел, поездил и как будто заново родился.

Когда сельхозпредприятие «Восточное» разорилось, Савченко добился передачи казачьему конноспортивному клубу старого коровника с прилегающими площадями. Коровник стал конюшней. Сегодня в нем тридцать пять лошадей. Часть из них принадлежит жителям Хабаровска, которые навещают своих любимцев и, понятно, рассчитываются за кормление и постой. Неподалеку от конюшни Савченко с поборниками конного спорта оборудовал ипподром. Без шика, но тренироваться на нем можно. Матушка-природа не осталась в стороне от добрых дел родового казака: на озере рядом с конюшней и ипподромом расцветают лотосы.

Была в жизни есаула Савченко и черная полоса. Его намеревались убить, полтора месяца он лежал в коме. Надежда Родишевская, Светлана Поветкина, другие соратницы по конноспортивному клубу записали на сотовый телефон конское ржание, стук копыт, хруст поедаемого лошаадьми корма. Положив телефон на подушку не приходящего в сознание казака, включили эти записи. Потом еще раз и еще... На четвертый день Николай Анатольевич открыл глаза.

— Ноги побаливают, но уже сажусь на лошадь и еду, — признается он, присев в теньке, наблюдая, как гости из «Казачьего переполоха» уминают гречневую кашу, приготовленную на костре.

В казачий клуб в Чистополье навевается немало любопытствующих. Среди пожеланий — развести кур, уток, гусей. И, конечно, свиней и коров. Словом, живность, которую городские дети воочию не видели.

— Приезжают ребята, которые в специальных школах занимаются хоккеем и футболом, волейболом и баскетболом. А здесь с удовольствием осваивают казачьи виды спорта, — включается в разговор Валерий Самашкин.

— Занимаюсь с детьми и убеждаюсь: русский дух жив. Мальчишки первый раз берут копьё, топор, лук, но после двух-трех попыток я вижу, как появляется уверенность, меткость. Это заложено на генетическом уровне. Наша задача — развивать способности, которые привнесены из глубины веков, — убежден Самашкин.

Пора возвращаться в Хабаровск, лимит аренды транспорта исчерпывается, водители автобусов нервно курят. Но женщины-воспитатели во главе с замдиректора школы ничего не могут сделать: у стола с пневматической винтовкой очередь. Каждый хочет сделать обещанные три выстрела. Чем объяснить ожесточенное нетерпение и проснувшуюся любовь к стрельбе?

Пожалуй, прав казак Самашкин: это генетика. Владеть оружием, защищать Отечество для русского человека и радость, и доблесть.

